

**II. МИХАИЛ МУРАВЬЕВ, НИКОЛАЙ ЛЬВОВ,
ГАВРИЛА ДЕРЖАВИН, НИКОЛАЙ КАРАМЗИН
И ИХ СОВРЕМЕННОКИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЕ:
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И МИФОЛОГИЯ**

С.А.Сионова

*Елец, Елецкий государственный университет
имени И.А.Булгина*

**«Новые лирические опыты» Михаила Никитича Муравьева
на страницах архива поэта**

Одический жанр, плодотворно развиваясь в первой половине XVIII века, претерпевая различные изменения в поэтической практике М.Н. Муравьева, исчерпал себя в середине 1770-х годов, с точки зрения профессора В.А.Западова, 1775 год явился решающим в этом направлении.

В списках РНБ, в архиве Муравьева, находится практически подготовленный к печати сборник произведений, озаглавленный поэтом как «Новые лирические опыты Михаила Муравьева, 1776 г.». [РНБ. Ф.499. № 30. Лл.2-8]. Рукописный вариант состоит из восьми од, является своеобразным продолжением предыдущего поэтического сборника 1775 года не только по времени написания, но и по тематике, образности, композиции, идее, их вполне возможно объединить в один единый цикл муравьевского творчества этой поры. Однако новый сборник 1776 года практически мало изучен, мало кому известен, поэтому в задачу статьи входит «открытие» данных произведений молодого автора, его искания и постижения окружающего мира, а главное – раскрытие души и сердца самого поэта.

Представляется возможным подробный анализ од, размещенных в сборнике 1776 года, с целью акцентирования данного периода в творческой жизни Муравьева, так как это позволит увидеть конкретный переход к жанровому многообразию муравьевской лирики.

Название сборника и обозначение его как «новые лирические опыты» свидетельствует о новом подходе в решении проблемы поэтического творчества Муравьева середины 70-х годов XVIII века.

Ода первая «Новых лирических опытов» продолжает тему оды де-

сятой сборника 1775 года, посвященной В.И.Майкову. Тема взаимоотношения между поэтами Муравьевым и Майковым получает в данном произведении определенное развитие. Преклонение перед Майковым, его талантом, самобытным и интересным во многих отношениях, проходит через все произведение. Четко определена позиция автора, Муравьев упрекает себя в дерзости, непочтении к майковской музе, считает, что недостойн находиться с общепризнанным поэтом в одном ряду, творить наравне, что должен быть перед именитым автором нем и тих:

И только лиру лишь расстрою,
Пойду, свой срам в шелом сокрою,
Подъяв оружий бранный груз.

Муравьев мучительно рассуждает о пути, по которому должен идти, и именно это рассуждение находит в данной оде свое идейное воплощение. Автор оды стоит перед дилеммой, постоянной для него: посвятить свою жизнь поэзии, искусству слова или остаться на военной службе бога браней.

Желание остаться в лоне муз колеблется, так как поэт не совсем уверен в своих поэтических способностях, неуверен и в том, что истинное его призвание и предназначение – поэзия. Для него ясно одно – поэзия и военная служба несовместимы. Именно это мнение поэта выражено в первых строках оды:

Священный замысл порывает
Военный усугубить тон.
Меня бог браней призывает,
Меня вызывает Аполлон.

Центральная строфа произведения наполнена ламентациями по поводу утраты поэтического дарования и отсутствия наставника и учителя Майкова, каковым он был в 70-е годы обучения поэзии (1773–1775-е годы):

Но ты мне склонным покажися,
И на того не раздражися,
Сердечно любит кто тебя;
Услышь: коль ты меня не любишь,
Так знай, что тем меня ты губишь
И ненавижу я себя.

В целом произведение представляет собой интересное явление: по заглавию – ода, по существу – послание, а по содержанию – рассужде-

ние автора о своем призвании, предназначении. В поэтическом слове он выявляет несколько аспектов: во-первых, отношение поэта к поэзии, во-вторых, утверждение своего поэтического предназначения, в-третьих – характеризует взаимоотношения между поэтами, при этом выявляя их жизненные позиции и человеческое взаимопонимание. В оде присутствует лирическое начало. Впервые в стихотворном произведении Муравьев создает образ поэта Майкова. Рассматривая оду с данных позиций, возможно прийти к выводу: Муравьев обладает тонкой наблюдательностью, несомненным поэтическим дарованием, ибо стремится в поэтическом слове запечатлеть индивидуальные качества, представить яркую психологическую характеристику. Поэтический образ Майкова, созданный Муравьевым в одах 1775–1776 годах, не противоречит образу поэта, запечатленного в дневниковых записях Муравьева.

Свое представление о человеке, отношение к нему он выражает не только в поэтических произведениях, но и в записях прозаического характера, на страницах дневника. Примером могут служить отношения к Майкову – уважительные, к Хераскову – почтительно – трогательные, к Тредиаковскому – более недоброжелательные, несколько холодные, в какой-то степени даже пренебрежительные [РНБ. Ф.499. № № 27,30. Л.1]. Для характеристики Майкова он подбирает интересные детали, которые с наибольшей объективностью показывают индивидуальные особенности поэта.

Муравьев вырабатывает свою собственную точку зрения на поэтическое творчество поэтов-современников. Например, сопоставляя и анализируя художественные достоинства од Ломоносова и Петрова, он приходит к интересному выводу: ода должна иметь свою специфику и эстетику. Она должна быть звучной, музыкальной, емкой, главное – должна всем своим содержанием и идейной направленностью соответствовать чувствам самого поэта, высказывать его мысли, отношение к происходящему. Ода должна быть лиричной, раскрывать мир души, красоту сердца. Этим требованиям, которые он в полной мере старался реализовать в одах 1770-х годов, соответствует ода вторая сборника «Новых лирических опытов».

Ода вторая начинается с описания весны, весеннего раздолья: «Весна вливает в чувства сладость...» [РНБ. Ф.499. № 27. Л.1]. Весна, весенние чувства покорили все – и людей, и природу:

Обезоружен спит бог брани,
Окованы раздора длани,
И мир подруг его прогнал.

Вослед Ломоносову Муравьев воспевает покой, тишину, мир, которые прекрасны сами по себе, тем более что они являются основным условием для гармоничной жизни человека и природы. Несомненный интерес представляет форма произведения. Поэт избирает форму диалога. Повествование ведется от первого лица, но в полной мере наблюдается присутствие подтекста, звучит голос второй, к нему, незримому собеседнику, обращается автор:

Постой: пусть он еще просвищет
Покуда не наступит день.
Он просвистал. Бряцайте, струны,
Вас внемлют тихи небеса.

От мирной, прекрасной, идеальной картины первой строфы Муравьев постепенно переходит к контрастирующей картине «хлада», смерти. Начало второй строфы продолжает лирическую картину первой, но настораживает строка: «И нет вокруг кровавой мглы». Значительную смысловую нагрузку несет эпитет «кровавый», вся строка звучит довольно напряженно, хотя в остальном пейзажная зарисовка остается мирно-спокойной:

Меж тучных там берегов томится
И плавно искрами струится,
Переливаясь, синева.

Картина мира, спокойствия сменяется жесткой картиной смерти.

Появление богини из мира теней предвещает смерть и ужас. Строфа завершается боем двух героев. Полная динамика картина заканчивается смертью одного из них: «Уж победитель веселится...». Однако последняя строка картины раскрывает страшный смысл всей второй строфы: «Бежит и зрит: его то сын». Третья строфа оды опять воспевает прелести тишины и покоя. Она выявляет авторскую позицию относительно совершенного:

Умчись, умчись, война ужасна...!
Героя прежде человек!

Вполне возможно предположить, что в этой оде заключается мысль Муравьева о несовместимости поэтического творчества, вдохновения с военной службой, войной, которые до определенного времени были его предназначением. Высказывая свою точку зрения на проблему войны и мира, решая ее в лучших традициях ломоносовского творчества, Мура-

вьев не ограничивается классическим пониманием, выводом: «Война ужасна...!». Он вкладывает в одические строки глубокое чувство сострадания, потрясения, жалости по отношению к происходящему.

Следует обратить особое внимание на расположение в автографе оды второй. Лист автографа разделен на две части: с одной стороны написана ода, на другой половине страницы мелким шрифтом сделана запись поэтических строк:

С юнейших лет жестокой власти
Уже я иго ощущал.
И стал я чувствовать напасти,
Как скоро чувствовать я стал...
[РНБ. Ф.499. № 30. Л.1]

Остается только догадываться, почему так конкретно поставлен этот стихотворный текст против оды второй. Вероятно, автор отдавал себе отчет в том, что его ода представляет собой нечто новое, иное, чем традиционные одические произведения. Вызванная к жизни картина убийства отцом сына по своему накалу, воздействию должна была навести на мысли, рассуждения самого автора: гнев и горячность боя, радость победы сменяются потрясающей картиной узнавания в сопернике сына, убитого на поле брани отцом. Динамика ритма, глубоко психологические паузы характерны для этих строк. Простота синтаксиса заключительной строки поражает безысходностью, ужасом содеянного:

Бежит и зрит: его то сын.

Заключительная строфа оды второй, прославляющая тишину, покой, утверждает также мысль о прославлении не героя битв и грандиозных сражений, а простого земного человека, обыкновенного в своей жизни, естественного в своем бытии.

Новые мотивы в творчестве Муравьева, отступающего от традиционного представления о главном герое одических произведений, вполне возможно наблюдать в системе расположения «лирических опытов» в автографе. На первом листе с одной стороны написаны тексты оды, здесь же, рядом, на полях расположены записи различного содержания и характера. Например, кроме стихов «С юнейших лет жестокой власти...» помещена «Песенка Н.А.Львова» [РНБ. Ф.499. № 30. Л.1], которая представляет собой определенный комментарий к одам 1776 года.

В концептуальном плане несомненный интерес представляет ода шестая, озаглавленная «К Д...», написанная в форме послания, адресован-

ная прославленному актеру и драматургу И.А.Дмитревскому». Поводом для создания стихотворного произведения послужила похвала великого актера Дмитревского трагедии Муравьева «Болеслав» [РНБ. Ф.499. № 48. Л.2].

Основным идейным содержанием произведения является жизнь и судьба поэта. Муравьев сумел в доступной форме поведать о трудностях поэтического творчества, о таланте и гениальности древнегреческих поэтов, лира которых была настолько вдохновенна и изобретательна, что автор послания не смеет даже мечтать о том, чтобы в чем-то с ними сравниться:

Я слабый ученик любовника Глицеры
С трудом собираю сот,
И, в мягких утаясь убежищах пещеры,
Склоняюсь от высот.

Автор говорит о склонностях и желании поэта, которого в большей степени прельщают уединенные уголки, доступные своей прохладой, негой, располагающие к вдохновенному поэтическому труду. Он утверждает мысль о том, что его лира бывает полнозвучной лишь при воспевании природы, ее прелестей, чудес, необыкновенности. В данном случае поэт достигает редкой эмоциональности, силы заражающего чувства:

Со лирою моею зывают тамо рощи,
И эхо при волнах.
Доколе снидет тень, и мрак священной рощи
Умает в тихих снах.

Особый ритмический эффект создается при соединении длинных строк с короткими. Ритмическая организация стиха в сочетании с текстом произведения в целом придает необычность и стройность произведениям Муравьева.

Ода седьмая в основе своей продолжает основную направленность оды шестой. В полной мере можно говорить о непосредственном присутствии автора в данном произведении, что составляет основное содержание оды. Если в предыдущих поэтических произведениях первой половины 1770-х годов тема недовольства собой только намечалась, то в оде 1776 года она обретает конкретный, зримый характер. Автор решительно и определенно заявляет о своем поэтическом кредо:

Я хочу, чтоб слезы лились,
Сам их чувствую урон.

Музы, вы переменились,
В ушли из сердца вон.

Короткая лаконичная запись в дневнике – своеобразный итог развития этой темы, она откровенна и удручающе проста: « Я усилюся произвести из себя автора и не могу...». [РНБ. Ф.499. № 48. Л.31]. Умение самокритично отнестись к себе, явное недовольство собой объясняют в какой-то степени новизну тематики стихотворений Муравьева 1776 года.

Своеобразная поэтическая манера, присущая в XVIII веке только ему, его мысли по поводу несовершенства своего поэтического творчества, самый слог – меткий, выразительный, отражающий стремление автора к самопознанию, роднили его в будущем со многими поэтами XIX века, в том числе и с Е.А.Боратынским, в стихах которого возможно встретить самооценки такого рода: «Мой дар убог, и голос мой негромок...», «А я, владеющий убогим дарованьем», «Не ослеплен я Музою моею...» и пр. Общим для обоих поэтов было сомнение в поэтическом творчестве, таланте. Непосредственное обращение к миру природы, отражение в слове ее неповторимой красоты, ее притягательной силы.

Особое место в этом плане занимает ода восьмая Муравьева, озаглавленная «Желание зимы», венчающая сборник. Наблюдение над миром природы, отход от традиционных тем и образов, от элементов чужой поэтики формировали у Муравьева индивидуальный поэтический вкус, зоркость глаза и слуха, обогащали духовный опыт, расширяли представление о мире. Пожалуй, впервые в оде «Желание зимы» обрел он свой поэтический голос, начал писать о том сокровенном, чем была наполнена его душа.

Темы человека и природы, поэзии и действительности слились в неразрывное целое, объединены единством авторского восприятия мира. Поэт пристально вглядывается в окружающую действительность, старается понять и постичь ее неповторимую красоту.

В этом произведении сюжетная основа отсутствует, в нем нет цепи взаимосвязанных событий, а есть та область окружающей жизни, которая подвластна таланту поэта, – природы и человека в его взаимоотношениях с нею; он исходит из естественного чувства ожидания изменения в природном мире в момент переходных явлений времен года: все – и природа, и человек, – живет в ожидании первого снега. Заклинанием звучат строки – обращения к зиме-владычице. Обращения, столь распространенные в русском устном народном творчестве, наполняют произведение, делают его стройным, эмоционально насыщенным, интонационно характерным.

Интонация первой строфы – вводная, плавная, спокойная, соответствует поэтической зарисовке картины поздней осени:

Проникнув из земли, былинка жить не чаёт
И клонится, томна,
И кажется, сама природа примечает,
Что рушится она.
Вотще ей иногда ласкает день прекрасный,
Чтоб после обмануть;
Она уж, отступясь, свой видит труд напрасный
И хочет отдохнуть.

В этих строках автор углубляет в себе чувство ограниченной причастности к миру природы. Он детально воспроизводит картину последних осенних дней, отражает в поэтическом слове широкие, емкие картины ожидания зимы:

На листьях цветов их нежны нити стерты,
Объемля стебли, мрут
Матерых трупы древ на землю ниц простерты,
Младой природы труд.
Страдание земли зрит солнце потаенно.
Се суть Борея дни.
Во мрачны облака все небо облеченно,
И ходят вкруг они.

Поэтическая палитра Муравьева-художника скромна, неброска. Воспроизводя в поэтическом слове описание поздней осени, он ограничивается несколькими красками, специфичными для осеннего пейзажа: в момент первых зазимков он отмечает белизну полей, печали осенних дней соответствует редкое явление солнечных лучей, озаряющих особым светом впечатляющие картины окружающей природы.

Особенность поэтики Муравьева заключается в том, что автор умеет запечатлеть и отразить в стихотворном произведении тонкие, сокровенные движения души. Муравьев показывает трагизм и скорбь одиночества, извечное противоречие между бессмертным миром природы и краткость человеческой жизни. Мотив одиночества в данном лирическом стихотворении переходит в ощущение трагического восприятия окружающей жизни:

Но что? Не гласы ль мне сдаются вопиющих?
Не се ли рога звук?

Дианиных подруг я зрю, богинь бегущих,
Златой на раме лук.
Ты медлишь здесь, олень, а рок твой близко ходит:
Оставь свой сладкий мох.
Пугливый житель рощ напрасно след отводит:
Издаст последний вздох.

Мотивы постоянной грусти, одиночества находят воплощение в заключительной оде «Новых лирических опытов», создают своеобразный лирический настрой.

В неопубликованном сборнике «Новых лирических опытов 1776 г.» поэт расширяет привычные границы одического жанра, открывает одну из важнейших граней своего поэтического таланта, а именно – проявление личности автора в произведении, его чувствительной души, его настроения, отношения к окружающей действительности. «Быть одному с окружающей природою есть для меня восхитительное положение» [РНБ. Ф.499. № 42. Л.1], – засвидетельствует он в одном из писем. Подобную направленность мыслей и чувств сохранит Муравьев на протяжении всего поэтического творчества, что, несомненно, сблизит его с поэтами-современниками Н.А.Львовым, Г.Р.Державиным и всей поэзией XIX века.

Литература

1. РНБ. Ф.499. № 30. ЛЛ. 2 – 8.
2. РНБ. Ф.499. № № 27-30. ЛЛ. 1.
3. РНБ. Ф.499. № 27. Л.1.
4. РНБ. Ф.499. № 30. Л.1.
5. РНБ. Ф.499. № 10. Л.1.
6. РНБ. Ф.499. № 48. Л.2.
7. РНБ. Ф.499. № 48. Л.31.
8. РНБ. Ф.499. № 42. Л.1

Т.В.Федосеева

*Рязань, Рязанский государственный университет
имени С.А.Есенина*

«Оскольд» М.Н. Муравьёва в контексте предромантического жанра «старинной повести»

Одно из свойств эстетики предромантизма, заявившей о себе в русской литературе на рубеже XVIII–XIX веков – сближение поэтического мира с действительным. Особенно привлекательными для предромантиков, в